

Д. С. Бирюков, НИУ ВШЭ / СИ РАН

ВИЗАНТИЙСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ МОНАДОЛОГИЯ В ЭПОХУ АРИАНСКИХ СПОРОВ

В христианской литературе тема Монады (Μονάς), или Единицы (Ἐνάς), начала развиваться начиная с Оригена (О началах 1.1.6).

Язык Монады–Диады–Триады играл важную роль в арианских спорах, где он был задействован для описания бытия Сына (и Духа) в Его неразрывной соотнесенности с бытием Отца (в рамках ортодоксального дискурса), либо для выражения противоположного понимания (в рамках арианского учения).

Сами арианские споры начались после того, как Арий обвинил самого Александра еп. Александрийского в савеллианстве, из-за его слов «Святая Троица есть в Троице Единица», после чего Александр запретил Арию проповедь его учение (Сократ Схоластик. Церковная история 1.5.). Арий формулирует свое учение о тварной природе Сына и, соответственно, Святого Духа, на языке монадологии в «Талии»: «Есть Триада, но славы неподобны, и несмесны между собою их ипостаси, одна до бесконечности преславнее другой по славе. Отец по сущности чужд Сыну, потому что существует безначально. Разумей, что была Монада, Диады же не было, пока не осуществилась» (Афанасий Александрийский. О соборах 15). Можно согласиться с К. Стэдом ([1, 19), что Диада в данном случае не означает совокупности двух единичностей – Отца и Сына, подобно тому, как «Троица» обозначает три единичности – Отца, Сына и Духа. Однако Диада указывает здесь именно на Сына, которого не было, когда Монада пребывала одна. Здесь просматривается платоническо-пифагорейский контекст, где Диада указывает на неполноту, несовершенство, материю (эта тема восходит к раннему пифагореизму, Платону (см.: Аристотель. Метафизика 987b21–27) и первой Академии). В частности, Филон отождествляет Диаду со «становящимся», в противовес Монаде, которая является в отношении нее «содействующей» (О сновидениях 2.70; Об особенных законах 3.180). К. Стэд [1], [2, 45-46] сближает понимание «Диады» в данном фрагменте из «Талии» Ария с местом из Нумения, которое приводит Евсевий Кесарийский: «Второй Бог, будучи двойным, как демиург творит сам свои идеи и мир» (Приготовление к Евангелию 11.22), считая, что космоцентричность нумениевского «двойного» второго Бога сближает его с Сыном-Диадой, являющимся творцом космоса, в учении Ария. Однако вряд ли стоит сближать монадологию Ария с Нумениевой. В платоническо-пифагорейской полемике о началах сущего Нумений занял дуалистическую позицию, в то время как Арий исходит, разумеется, из монистических предпосылок. Скорее всего, монадология Ария – плод влияния Филона, которой принадлежал к той платоническо-пифагорейской традиции, в рамках которой Диада понимается как второе начало после единого начала всего Монады, не противопоставленное ей (Об Аврааме 120ff.).

Коснемся теперь монадологии в сочинениях одного из значительнейших ортодоксальных авторов, полемизировавших с арианством, Григория Богослова.

Говоря о Святой Троице, Григорий отталкивается как от единства, так и от тройственности в Троице – для него это равноправные принципы (Слово 40.41). В первом случае Григорий может использовать язык Монады–Диады–Триады, либо говорить, что ипостаси Троицы, «в Которых» Божество (божественная сущность), – суть «от» Причины (= Божества) (Слово 31.14). Во втором случае Григорий сравнивает ипостаси Троицы с тремя солнцами, заключенными одно в другом и имеющими одно растворение света (Слово 31.13), и говорит о бесконечной сращенности Трех бесконечных (Слово 40.41). Язык Монады Григорий использует в Слове 23: «Монада [или: Единица] подвиглась по причине богатства, Диада [или: Двоица] же была преодолена (потому что [Божество] выше материи и формы, из которых состоят тела), и Триада [или: Троица] определилась вследствие совершенства» (Слово 23.8), а также в Слове 29: «...Поэтому Монада [или: Единица], от начала подвигнутая в Диаду [или: Двоицу], [дойдя] до Триады [или: Троицы], остановилась. И это у нас – Отец, Сын и Святой Дух» (Слово 29.2). Согласие этих двух мест не столь очевидно. В самом деле, если в последнем предполагается дискурс ипостасей, и когда

говорится, что Монада подвиглась «к Диаде», фаза, соответствующая «Диаде», вполне определенно обозначена (ипостась Сына), то в первом отрывке идет речь том, что «Диада была преодолена», само же понятие «Диады» отсылает не к ипостасями Отца и Сына, но используется в полемическом контексте в связи с двойцей категорий, описывающих тварное сущее – материей и формой. Позже в истории византийской богословско-философской мысли отрывок из Слова 29 Григория неоднократно комментировался, и в первую очередь обсуждался вопрос: следует ли понимать его в том смысле, что в нем говорится о движении Бога в Себе, либо речь идет о движении ума человека относительно Бога.

Итак, в арианских спорах тема монадологии совсем по-разному преломлялась у арианских и у ортодоксальных авторов. Арий исходит из монистических предпосылок, характерных для определенной линии в рамках античной философии, принимая Монаду началом Диады, как того, что является подчиненным Монаде, и без чего Монада существует сама по себе. В свою очередь, ортодоксальные христианские авторы, и в частности Григорий Богослов, выходят за рамки основных принципов античной философской монадологии (как средне-, так и неоплатонической), используя дискурс, согласно которому высшие Монада, Диада и Триада взаимно предполагают друг друга, и не может быть такого, чтобы один член этой триады (одна ипостась Троицы) существовал, а другие нет.

Литература

- [1] Stead G. C. The Platonism of Arius // The Journal of Theological Studies. 15, 1964.
- [2] Stead G. C. The Platonism of Arius; Stead C. Was Arius a Neoplatonist? // Studia Patristica. 32, 1997.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-01243 «Формирование понятийно-категориального аппарата восточнохристианской философской и теологической мысли в III-IV в.»